

Дана Кери

Дорога длиною в 300 лет

Лана Керн

Дорога длиною в 300 лет

<https://litres.ru/74486987>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь юной герцогини Элеоноры и барона Бертольда вспыхивает вопреки правилам и законам Высшего света XVI века. Спасаясь от неминуемого гнева семьи, после тайного венчания они бегут в Русское царство, не подозревая, что их решение предопределит судьбу их потомков на три столетия вперед.

Это масштабная сага о роде, пронесшем сквозь века свою веру, память и достоинство. Встречая на своем пути вихри революций, раскулачивание, депортации и ссылки, ветви этой семьи пускают корни в степях Казахстана и на землях Беларуси. Не всем удастся выжить, но преодолев грандиозные испытания эпох, история совершит полный круг, возвращая потомков туда, где всё начиналось - на их историческую родину. Роман рассказывает о судьбе ценого народа, именуему "русские немцы" на примере одной семьи.

Содержание

Глава первая. Первый бал	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дорога длиною в 300 лет

Глава первая. Первый бал

К вечеру весь замок ожил - от подвалов до флюгера. Свет из высоких окон ложился на камень двора ровными золотистыми полосами, и в этих полосах то и дело мелькали тени: пробежал лакей с ведром колотого льда, конюх вёл под уздцы чужую лошадь, две служанки волокли корзину со свечами и переругивались шёпотом. Со двора тянуло холодом, мокрым камнем и конским потом, а из распахнутых дверей – воском и духами. На границе этих запахов гости на мгновение останавливались, будто границу между двумя временами года.

К воротам подъезжали кареты одна за другой. Кучера здоровались сухо, без охоты: каждый знал, чей экипаж пропустили вперёд, а чей придержали, и по этому порядку уже можно было прочесть половину придворных новостей. Лакеи откидывали подножки карет, дамы осторожно подбирали подолы платьев, где-то громко смеялись, а гости учтиво раскланивались, с интересом разглядывая чужие наряды.

Внутри, в парадном зале, оркестр уже играл. Менуэт шёл размеренно, спокойно - в самом начале вечера, музыка ещё не ведёт за собой, а только задаёт ритм. Пары двигались плавно. Свечи в люстрах и настенных шандалах горели ровно; их отражения дробились в высоких зеркалах, и от этого

казалось, что зал вдвое больше, чем на самом деле, и что гостей в нём вдвое больше, чем приглашено.

Цветы стояли всюду - в напольных вазах, в нишах, вдоль лестницы, - и их запах, тяжёлый, чуть приторный, смешивался с запахом воска и пудры.

Бал давали в честь шестнадцатилетия герцогини Элеоноры-Софии, дочери герцога Максимилиана.

- Шестнадцать, - сказала баронесса Аделаида фон Хоэнэк своей соседке, не поворачивая головы и почти не разжимая губ. - В её годы меня уже второй месяц как просватали.

- Времена были строже», - отозвалась фрау фон Ридерау, дама в бордовом бархатном платье с изящным колье.

- Времена были честнее, - поправила баронесса. - Теперь ждут, тянут, приглядываются... выбирают. А чего приглядываться? Дом известный, девочка здоровая, приданое считано.

Обе замолчали и одновременно посмотрели в сторону дверей.

У противоположной колонны старый барон Вендель фон Ашау, глуховатый и оттого говоривший громче, чем следовало, объяснял соседу:

- ...а я вам говорю, что Фуггеры приехали в полном составе. В полном. Это, знаете ли, не в гости съездить.

- Тише, - попросил сосед.

- Что «тише»? Я разве неправду или что-то непристойное сказал?

Правду он сказал или нет, но головы вокруг повернулись в его сторону.

В этот момент распахнулись двери залы.

Тишина наступила не сразу, как по знаку церемониймейстера - она осела волной, от порога вглубь зала, и последними замолчали те, кто стоял у оркестра и ничего ещё не видел.

На пороге стояла Элеонора.

Рыжие волосы были убраны высоко, открывая шею; несколько прядей, выпущенных по бокам, смягчали лицо, ещё совсем детское. Глаза - зелёные, широко раскрытые - смотрели на гостей с детской простотой и с откровенным, ничем не прикрытым изумлением: она видела этот зал тысячу раз, пустым, полутёмным, с зачехлённой мебелью, и не узнавала его теперь.

Платье розового шёлка было сшито три недели назад у известного портного и переделывалось дважды. Серебряная нить в вышивке при каждом шаге ловила свет, делая движения юной герцогини завораживающими.

Корсет, расшитый жемчугом, затянули туго - тётушка Гертруда тянула шнуровку молча и сосредоточенно, а когда Элеонора попыталась вдохнуть глубже, сказала только: «Вдыхай глубже детка, сегодня твой первый бал». И вот теперь по тому, как прямо Элеонора держала спину, как коротко и неглубоко вдыхала воздух, видно было, что стянутость эту она чувствует каждую секунду -и что показывать этого не намерена.

Она шла под руку с отцом.

Максимилиан держался как всегда: ровная осанка, спокойный шаг человека, который входит в свой собственный зал и знает, что ждать его будут ровно столько, сколько ему угодно. Только взгляд, обращённый к дочери, был не таким, как обычно. В нём не было ни привычной оценивающей внимательности, ни строгости. Была гордость - гордость отца.

- Не смотри в пол, - сказал он тихо, одними губами. - Смотри поверх голов, тогда голова кружиться не будет.

- А если я собоюсь?

- Тогда соьётся оркестр, - ответил герцог усмехнувшись.

Она коротко выдохнула - и подняла голову.

Они остановились в центре зала. Оркестр взял тему заново. Танец начался.

Элеонора двигалась ровно и осторожно – именно так танцует человек, который впервые вышел под столько взглядов сразу и больше всего на свете боится ошибиться. Первые такты она считала про себя и от этого шаги выходили чуть деревянными. Потом она перестала считать, просто слушала музыку, «слушала» движение отцовской руки, слушала собственное дыхание, - и постепенно напряжение отпускало. К середине танца появилась лёгкость, которую невозможно изобразить: она либо есть, либо её нет.

Зал заворуженно смотрел.

- «Хороша», - сказала фрейфрау Амалия фон Зеефельд, прикрывшись веером наполовину, как делают, когда хотят,

чтобы слышали ровно те, кто должен слышать. - И, что важнее, дитя ещё не знает, что она воистину хороша.

«Ой, не сглазьте», - уронила баронесса фон Хоэнэк.

- Думаю к Рождеству о ней будут говорить уже и в Вене, - вмешался господин фон Пранкенберг, человек, который считал всегда, что знает чуть больше, чем все остальные. - Помяните моё слово.

Юная Лизелотта фон Хоэнэк, племянница баронессы, впервые вывезенная в свет и оттого несколько растерянная, смотрела на розовый шёлк с тоской, какую в семнадцать лет она приняла за зависть.

- Надо же, какое роскошное платье - пробубнила она.

- У неё отец герцог, - ответила тётка. - А ты выпрями спину и не сутулься.

Музыка кончилась. Аплодисменты поднялись и какое то время не умолкали. Элеонора сделала лёгкий реверанс и выпрямилась - и только тут поняла, как сильно у неё горят уши.

Следующий танец был обещан заранее.

К ней уже шёл молодой человек - шёл быстро, без той церемонной медлительности, с какой полагалось пересекать зал, и несколько дам проводили его взглядом.

Это был граф Кристоф Фуггер, наследник аугсбургского дома, ветви Кирхберг. К этому времени вершина купеческого могущества Фуггеров осталась далеко в прошлом; богатство давно перетекло в землю, в замки, в титулы и в закладные на чужие имения - и для баварского двора представи-

тель этой фамилии был женихом почти безупречным. Почти - потому что при дворе безупречного не бывает, всегда найдётся кто-нибудь, кто вполголоса напомним, откуда пошли эти деньги и чем торговал прадед.

Одет он был по последней французской моде, но немного смелее многих: камзол глубокого сапфирового цвета, шитьё тонкое, живое, ловящее свечной свет; рафф, накрахмаленное безупречно, высоко подпирало подбородок. Улыбался он так, отлично понимая всю условность происходящего.

- Моя очередь, милая Софи, - сказал он, назвав её вторым именем, как привык с детства.

Для двора они были парой, которую готовят к союзу, и весь зал в эту минуту старательно разглядывал пару, казалось, ожидая какого-то скандала.

Для Элеоноры он был Кристофом. Тем самым мальчишкой, с которым они устраивали тайники в замковых нишах, воровали яблоки и вместе стояли потом в углу, честно делая наказание пополам. Рядом с ним ничего не нужно было изображать. Даже корсет как будто ослаб.

Под звуки нового менуэта они вышли на паркет, и танец сразу пошёл иначе, чем с отцом, - быстрее, легче, с той едва заметной дерзостью, которую опытный глаз замечает и что так присуще юности. Они почти забывали о строгости манер и дворцовых условностях; их кружение было наполнено самым простым, ничем не отравленным весельем, и вокруг стало просторнее, другие пары невольно расступились.

- Помнишь, как мы убедили старого капеллана, что его золотую табакерку утащили гномы? - шепнул Кристоф, ловко ведя её в туре, и в глазах его на миг вспыхнул тот же озорной блеск, что и десять лет назад.

Элеонора прикрыла рот веером, чтобы не рассмеяться слишком громко.

- И ты обманом заставил меня спрятать её в колодезной бадье! Матушка велела мне за это вышивать целый месяц. Тогда я и узнала, что такое дисциплина.

- Зато капеллан до самой смерти верил в гномов.

- Вообще то он верил в тебя. Он прекрасно знал чьих рук это дело.

- А тот день, когда мы нашли ключ от погреба и устроили пиратскую битву? Гертрудиными солёными яблоками.

- Да. И ты получил ушиб, когда лез на дубовую лестницу.

- Я не получил ушиб. Я получил рану.

- Ты получил синяк, - сказала она твёрдо, - и три дня носил руку на перевязи.

Они рассмеялись, - её рыжие пряди у её лица задорно качнулись.

Так они и протанцевали весь менуэт, приключения их детства: побег из-под надзора гувернанток, шалаш в дубовой роще, тысячу пустяков, из которых складывается дружба. Никому в зале не пришло бы в голову, что двое, о чьей помолвке говорят второй год, сейчас всего лишь вспоминают, кто кого толкнул в крапиву.

- Что говорит твой отец? - спросил Кристоф между фигурами, уже другим голосом, тише.

- Ничего не говорит.

- Мой тоже ничего не говорит... мне ничего не говорит. А вот за спиной, я бы сказал очень громко ничего не говорит.

Элеонора посмотрела на него - и вдруг увидела, что ему это так же неловко, как ей, и что он точно так же не знает, как поступить, и потому шутит.

Для неё Кристоф был берегом - знакомым, надёжным, ничем не грозящим. Он был её прошлым, тёплым и понятным. А будущим его назначили другие, не спросив ни его, ни её.

Танец кончился. Кристоф подвёл её к матери, поклонился и отошёл.

Элеонора глубоко - насколько позволял корсет - вдохнула и снова оглядела зал.

И тогда у дальней колонны её взгляд наткнулся на молодого человека, стоявшего неподвижно.

Она задержала на нём глаза дольше, чем позволял этикет, и сама это поняла — однако взгляда не отвела.

Молодой человек держался спокойно, почти отстранённо. Ни с кем не разговаривал. Не искал знакомств. Стоял так, будто привезли его сюда против его воли и честно отбывают вечер до конца. Тёмные волосы были аккуратно уложены, в его огромных голубых глазах читалась ничем не прикрытая скука.

Он будто почувствовал на себе чей-то взгляд, окинул гла-

зами зал, встретил её глаза и слегка наклонил голову в приветствии.

Внутри у неё что-то сдвинулось - коротко и резко, будто оступилась на ровном месте. Тепло, оставшееся от танца с другом детства, от смеха, от воспоминаний, вдруг развеялось.

Она слегка склонила голову в приветствии и заставила себя отвести взгляд.

Элеонора удивлялась сколько гостей прибыли на её торжество. Ближе к правой колонне, где расположился глава дома, стояли Торн-и-Таксисы - князь Арнольд Франц с супругой, оба в тёмном, строгом, и эта строгость говорила об их положении при императорском дворе внятнее любого шитья. Рядом - Фуггеры из Аугсбурга: Мария Анна в платье цвета спелой черешни, с высоким кружевным раффом и узким корсажем по той самой французской моде, что пришла в Германию через Мюнхен года два назад.

Чуть поодаль стояли Лёвенштейн-Вертхаймы, приехавшие из Швабии, и оживлённо о чём-то говорили с Пфальц-Нойбургами. Элеонора улыбнулась: давние союзники дома. Отец о них говорил: «Одни из немногих, к кому можно повернуться спиной и быть уверенным, что тыл прикрыт». У западной стены беседовали Каstellы, франконские графы, и Штарнберги - старинная баварская знать, почти родня двору.

В дальнем углу стояла графиня София фон Ойткин, чьё

платье обсуждали ещё за неделю до бала. Жемчужного оттенка шёлк, широкий подол, расшитый серебряными ветвями, рукава с прорезями, сквозь которые видна была тонкая ткань. Мода эта пришла из Саксонии и требовала смелости не меньше, чем вкуса.

- Как вульгарно, - сказала фрау фон Ридерау.

- Я бы сказала вызывающе, - подтвердила баронесса фон Хоэнэк.

- В Дрездене, говорят, так ходят даже в церковь.

- В Дрездене? - сказала баронесса, - Ну, говорить могут многое.

Голоса плыли, переплетались, гасли. Гости сливались в единый узор движения и света: главы фамилий, наследники, посланники, дамы, привыкшие к вниманию, и те, кто ещё только надеялся его заслужить. Кто-то считал в уме приданое, кто-то - шаги до нужного собеседника.

- Кто это? - спросила Элеонора еле слышно, указав брату глазами на колонну у которой стоял молодой человек с небесно-голубыми галазами.

Карл Альбрехт-Вильгельм посмотрел туда же и ответил не сразу – внимательно присмотревшись, потом отставил бокал, он произнес

- Бертольд фон Ледебур. С отцом приехал. Держится всегда особняком.

- Всегда?

- Я его третий раз вижу, - сказал брат. - И все три раза он

подпирал стены или колонны.

Бертольд заметил, что говорят о нём. Взгляда он не отвёл - наклонил голову в коротком поклоне и, помедлив, пошёл через зал.

Шёл он без спешки. Он пересёк зал и остановился в трёх шагах.

- Фройляйн, позвольте представиться. Бертольд фон Ледебур.

Голос был низкий и ровный.

Элеонора ответила так, как её учили, - и почувствовала: вышло мягче, чем она хотела, и голос предательски дрогнул на последнем слог.

- Герцогиня Элеонора-София.

Он слегка поклонился.

- Если позволите, я имел бы честь просить у вас этот танец. Или у виновницы торжества все танцы на этот вечер расписаны?

- Для вас, барон, я освобожу танец. И этот танец ваш, - произнесла юная герцогиня, останавливающим жестом удерживая кузена, которому обещала его прежде.

Он подал ей руку. Пальцы его чуть дрогнули - почти незаметно; но она это почувствовала, и её ладонь будто отозвалась на его смущение.

Они вышли в центр зала. Музыка поднялась над гулом голосов, и все прочие разговоры разом отступили, сделались фоном.

Бертольд вёл размеренно и безупречно. И всё же за этой выученной лёгкостью Элеонора различала волнение: едва слышный сбой дыхания, короткую задержку перед поворотом, мгновение нерешительности прежде, чем его рука снова находила её талию.

И это волнение делало его ближе. Человечнее.

Несколько первых тактов они танцевали молча, будто прислушиваясь друг к другу: к ритму шагов, к тому, как осторожно он подстраивается под неё, как бережно избегает малейшей торопливости.

Наконец он произнёс тихо, не глядя прямо на неё, чтобы не показаться слишком смелым:

- Надеюсь... я не слишком смущаю вас, фройляйн.

Элеонора едва заметно улыбнулась.

- Что же тут может смущать? Танец? Неловкое па?

Он посмотрел ей в глаза.

- Помилуйте, какое «неловкое па». Я до сих пор был уверен, что прекрасно танцую.

- Не стану спорить, - ответила она и опустила ресницы.

Музыка повела их по плавной дуге.

- Я должен признаться, - сказал он почти неслышно, - я весь вечер надеялся на этот танец. Но опасался отказа.

- Я тоже должна сознаться, что надеялась на Ваше приглашение, - сказала она улыбувшись.

Слова вылетели сами, прежде чем она успела их взвесить, и сразу же испугали её.

Бертольд чуть замедлил шаг - не нарушая ритма.

Он кивнул, принимая её прямоthu как изящество, достойное настоящей светской дамы. Но лёгкая тень улыбки на его губах говорила: он слышал больше, чем она произнесла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.